Именно поэтому он без колебаний ответил "Макдональдс", когда Янь Бэйчэн спросил его, что он хочет.

"Ты тоже ел?" спросил Янь Бэйчэн. Линь Чу, должно быть, уже поел к этому времени.

Линь Чу кивнул. "Я обедал с Чжэн Юньтуном".

Мо Цзиньси увидел, что они начали болтать, поэтому он фыркнул и тихо сказал: "Чу Чу, я больше не плачу".

Линь Чу опустила голову и увидела, что он больше не плачет. Тогда она сказала: "Сначала ты должен поесть".

Мо Цзиньси съел только часть своего гамбургера, и независимо от ситуации, ребенок должен набить желудок, прежде чем что-то говорить.

Хотя Мо Цзиньси потерял аппетит после сильных слез, он все равно быстро доел свой бургер, так как был голоден.

Янь Бэйчэн заказал для него детское блюдо. Внутри был бургер, небольшая упаковка картофеля фри и кола.

Он быстро доел картошку, так как она была совсем маленькой, а вот колу смог выпить лишь несколько глотков.

Мо Цзиньси был немного разочарован тем, что ему пришлось так быстро проглотить Макдональдс, когда он наконец-то получил возможность поесть. Линь Чу ждал его, и это так сильно его напрягало, что он не мог насладиться едой. На самом деле, он даже не был уверен, что съел, так как слишком торопился покончить с едой.

Когда Линь Чу увидела, что он закончил есть и держит в руках колу, она сказала: "Ты можешь пить колу, слушая меня".

Мо Цзиньси послушно кивнул. Затем он сделал небольшой глоток и дал кока-коле поболтаться во рту.

Ему нравился вкус колы, но это было то, что Лян Сюлин не разрешала ему пить.

"Цзиньси, я знаю, что ты скучаешь по детскому дому и старому директору. Я знаю, что ты сынок. Ты не тот человек, который забывает тех, кто тебя любил, даже после того, как покинул их ради своего дома. Старая директриса знает это. Она видела, как вы росли, и знает, кто вы на самом деле. Неужели ты думаешь, что старый директор не поймет твою ситуацию?

Поэтому не беспокойтесь о том, что старый директор подумает, что вы ее забыли. Старый директор прекрасно знает, что вы не навещаете ее только потому, что не можете, а не потому, что не хотите. Старая директриса не будет винить тебя, Мо Цзиньси, она никогда не будет винить тебя за это. Она знает, что ты хороший мальчик, который всегда думал о том, чтобы позаботиться о ней. В тот день, когда бабушка забрала тебя, старая директриса сказала мне, что она знает, что бабушка никогда не позволит тебе вернуться в приют, как только ты уедешь с ней. Несмотря на это, она знает, что ты любишь детский дом и не забудешь никого из них. Кроме того, самое главное, чтобы у тебя была хорошая жизнь в семье Мо. Нет ничего важнее, чем обеспечить это, но она беспокоится, что из-за нее ты поссоришься со своей семьей, понимаешь?" Линь Чу медленно объяснил.

Мо Цзиньси был ошеломлен и чуть не выронил свою колу.

Линь Чу взъерошил волосы на затылке. "Ты уже несколько раз звонил старому директору, не так ли? Она была недовольна?"

Мо Цзиньси покачал головой. "Я хочу увидеть старого директора, а не просто позвонить ей".

Линь Чу ответил: "Старый директор понимает. Когда я забеременела и не могла часто посещать детский дом, старая директриса тоже понимала мое положение. Она знает о наших трудностях и всегда ставила нас на первое место. Старый директор и твои братья и сестры дороги твоему сердцу, поэтому неважно, увидишь ты их или нет, этого будет достаточно, если ты никогда их не забудешь".

"Правда? Но я беспокоюсь, что старый директор будет скучать по мне", - удрученно сказала Мо Цзиньси.

"Всякий раз, когда я прихожу в приют и общаюсь со старой директрисой, я всегда рассказываю ей, как у тебя дела. Старая директриса знает, что происходит в твоей жизни и учебе, и знает, что за последний месяц ты добилась очень хороших результатов", - ответил Линь Чу.

Мо Цзиньси почувствовал, как будто с его сердца сняли огромный груз, услышав эти слова Линь Чу. Поэтому он вздохнул с облегчением.

"Теперь, когда мы закончили говорить об этом, мы можем оставить этот вопрос в стороне. Давайте перейдем к обсуждению того, что ты сделал, улизнув из школы, не сказав никому ни слова", - внезапно строго сказала Линь Чу, ее мягкий тон и поведение сразу же исчезли.

Мо Цзиньси снова занервничал, его маленькое тело напряглось. Затем он извиняюще опустил голову.

"Не мне говорить тебе, права была твоя бабушка или нет", - продолжала Линь Чу. Она не имела права вмешиваться в решения бабушки о том, как его воспитывать.

Лян Сюлин была старшей Мо Цзиньси. Независимо от ситуации, Линь Чу не имела права указывать ему, что делать.

Кроме того, было бы трудно судить Лян Сюлин так объективно. Может быть, она и не имела права запрещать Мо Цзиньси посещать приют, но кто мог сказать, правильно или нет ее суждение о детях из приюта?

Никто не мог сказать, изменятся ли эти дети, когда вырастут. Каким будет их будущее? Будет ли их дружба с Мо Цзиньси и дальше оставаться чистой, без каких-либо мыслей о том, что они будут от него отмываться, или у них будут другие скрытые мотивы?

Лян Сюлинь беспокоилась об этом, ведь люди из разных миров, получившие разное образование, со временем отдаляются друг от друга.

Тот, кто вырос в кругу богачей, не испытывает недостатка в жизни. Они могут получить все, что пожелают, без особого труда, поэтому, когда они вырастают и начинают работать, они в основном говорят о проблемах на рабочем месте, с которыми сталкивается высшее руководство. Однако человек, выросший в условиях такого недостатка, что ему приходилось считать каждую палочку еды, купленную на обочине дороги, чтобы понять, сколько он должен

заплатить, в конце концов, вырастет, чтобы понять, как решить любые проблемы, переданные ему высшим руководством. Сколько общего между этими двумя типами людей из разных миров?

Линь Чу наблюдала, как дети растут в детском доме, и была близка с ними. Она тоже хорошо их знала, что позволило им сблизиться. Из-за этого она считала, что старый директор хорошо думал о детях, а такие люди, как Чжу Хэксуан, являются исключением из этого правила.

Лян Сюлин ничего не понимала в этих детях, и для нее было вполне нормально испытывать подобное беспокойство. Кроме того, ее слова были верны в реальном мире. Это могло бы показаться жестоким по отношению к такому ребенку, как Мо Цзиньси, но он еще не понимал, как устроен мир.

Неважно, как будет развиваться их дружба в будущем, по крайней мере, сейчас она была чистой и без смешанных эмоций.

"Ты можешь не соглашаться со словами своей бабушки, но ты должен понять, что что бы она ни делала, она делает это для твоего же блага. Хотя ее благие намерения могут в итоге причинить тебе боль, и ты можешь не соглашаться с ее действиями, ты не можешь возводить стену между вами только из-за этого. Ты можешь не соглашаться и злиться, но ты должен помнить, что в глубине души она делает это ради твоего блага, понятно?" сказал Линь Чу.

Мо Цзиньси фыркнула. "Я знаю. Бабушка очень хорошо ко мне относится".

"Да, это так. Твои бабушка, дедушка и дядя искали тебя семь долгих лет. Теперь, когда они наконец воссоединились с тобой после стольких трудностей, они хотят дать тебе самую лучшую жизнь. Они хотят, чтобы ты ходил в лучшую школу, получил лучшее образование, чтобы ты ел, носил и пользовался лучшими вещами, которые они могут тебе достать. Твоя бабушка купила тебе новую одежду и не разрешает тебе носить старую не потому, что она смотрит на нее свысока, а потому, что она хочет дать тебе хорошие вещи и позаботиться о том, чтобы ее внук одевался во все лучшее и выглядел красивым. Они знают, что тебе нужно время на адаптацию после того, как ты покинул детский дом и попал в их дом, и они делают все возможное, чтобы сблизиться с тобой и понять тебя, чтобы они смогли помочь тебе адаптироваться к новой жизни с ними.

Они беспокоились, что ты будешь нервничать в первый день в школе, и даже попросили нас специально сопровождать тебя. Не говоря уже о том, что они даже попросили Янь Нинбая сопровождать тебя, чтобы ты не так волновался".

Выслушав Линь Чу, Мо Цзиньси задумался о своих действиях.

"Они так заботятся о тебе, а ты, не сказав ни слова, ушла из школы, чтобы прийти сюда. Ты думаешь, что твоя бабушка не права, не разрешая тебе посещать приют, но, с ее точки зрения, она делает все это для твоего же блага. Вы могли бы поговорить с ней и рассказать, что вы на самом деле чувствуете. Если она не согласится, вы могли бы подождать, пока ваши дедушка и дядя освободятся, и сообщить им о своей ситуации, когда они будут дома. Ты мог бы попросить дедушку и дядю поговорить с бабушкой об этом", - сказал Линь Чу.

"Ты не должен вот так тайком уходить из школы. Твоя учительница будет встревожена, когда поймет, что ты исчез, и позвонит твоей бабушке. Представляешь, как она будет волноваться? Они искали тебя столько лет, поэтому ты должен хорошо понимать, насколько ты важен для них. Теперь, когда вы сбежали, не сказав ни слова, так что они понятия не имеют, где вы

находитесь, вы только заставите их снова волноваться. Когда они узнают правду, им будет просто грустно", - Линь Чу видел, как на лице Мо Цзиньси появилось выражение сожаления, когда она читала ему лекцию.

Мо Цзиньси молчал. Теперь он понимал, что был не прав.

"Цзиньси, ты уже большой мальчик, но ты не один. Тебя поддерживает столько членов семьи, которые любят тебя и заботятся о тебе. Ты должен учитывать чувства своей семьи. Ты больше не можешь быть послушным только старому директору, ты также должен быть послушным своим бабушкам и дедушкам. Они тоже ваши старшие, которые любят вас. Вы для них важнее всего на свете, поэтому они склонны к излишним размышлениям, когда дело касается вас.

Вот почему они так осторожны, чтобы никто не причинил тебе ни малейшего вреда", - голос Линь Чу стал относительно мягким, когда она уговаривала его.

"Тайком убегать - это не то, как поступает настоящий мужчина, это тактика труса. Когда вы играете в игры с Нинбай, разве вы не говорите друг другу, что настоящие мужчины живут честно, несут ответственность за свои поступки и встречают свои проблемы лицом к лицу? А здесь ты убегаешь. Это считается, что ты прячешься от своих проблем", - продолжал Линь Чу.

Мо Цзиньси тихо ответила: "Я знаю. Я знаю, что была не права, и больше так не буду. Я подожду, пока дедушка и дядя освободятся, чтобы поговорить с ними о посещении приюта, когда я буду скучать по нему. Я также хорошо поговорю об этом с бабушкой. Я дам ей понять, что самое важное для меня сейчас - это то, что я могу оставаться близким с Ши Ту и Тянь Тянем сейчас, поэтому не имеет значения, как они могут сложиться в будущем. Она не может запретить мне играть с ними сейчас только потому, что есть вероятность, что в будущем из них ничего хорошего не выйдет".

Линь Чу похлопал Мо Цзиньси по маленькому плечу. "Правильно. Ты уже наелась? Может, тебе еще что-нибудь заказать?"

Мо Цзиньси покачал головой. "Я бы хотел вернуться в школу. Люди могут забеспокоиться, если я вернусь слишком поздно".

"Хорошо." Линь Чу улыбнулся.

"Я отведу его обратно. А ты оставайся здесь и отдыхай. Я не хочу, чтобы ты слишком устал", - Янь Бэйчэн встал и взял пальто с вешалки.

В этот момент Линь Чу позвонил Янь Нинбай.

"Нинбай?" Линь Чу удивилась, что Янь Нинбай позвонил ей.

"Старшая невестка, что-то случилось. Я не могу найти Цзиньси", - Янь Нинбай говорила по телефону очень тревожно.

"Может, с ним что-то случилось? Я... я не знаю номер телефона бабушки Цзиньси. Я не уверена, что он в беде, но я также не решаюсь сообщить об этом учителю".

Линь Чу почувствовала тепло в сердце.

Было бы замечательно, если бы малыш в ее животе вырос таким же очаровательным и понимающим, как Янь Нинбай. "Не волнуйся. Цзиньси приехал в Янь Хуэй, и Бэйчэн сейчас

забирает его в школу".

"Что он делает в Янь Хуэй? Старшая невестка, передай телефон Цзиньси. Я бы хотела хорошенько его отругать!" удивленно спросил Янь Нинбай, гневно топнув ногой.

"Хорошо", - Линь Чу не стала его останавливать и с улыбкой на лице передала телефон Мо Цзиньси.

Она могла представить, как выглядел Янь Нинбай на другом конце разговора, одной рукой держа телефон, а другой опираясь на талию. У него, вероятно, был вид старейшины, который бессознательно постукивает ногами в гневе.

Мо Цзиньси действительно был виноват в этой ситуации. Она никогда не думала, что Мо Цзиньси будет хранить секреты от своих бабушки и дедушки, не говоря уже о том, что даже Янь Нинбай не знал об этом. Если бы с ним действительно что-то случилось, то никто в школе никогда бы об этом не узнал. Не было человека, с которым можно было бы связаться, чтобы разобраться в ситуации.

К счастью, Янь Нинбай узнал об этом и позвонил ей.

Линь Чу чувствовал, что, хотя Янь Нинбай обычно был нахальным, игривым, вечно говорил глупости и постоянно вытягивал из окружающих все, что мог, изображая из себя старейшину, когда наступал такой ответственный момент, он был вполне надежным.

Мо Цзиньси взяла трубку, а Линь Чу размышлял, о чем мог кричать ему Янь Нинбай с другого конца. Телефон так сильно дрожал от его крика, что Мо Цзиньси пришлось немного отодвинуть голову от телефона, чтобы отвести от него ухо.

"Нинбай, не сердись. Я знаю, что я не прав. Я сейчас же вернусь", - честно признал свою ошибку Мо Цзиньси.

"..."

"Да, я обещаю никогда ничего от тебя не скрывать. Я действительно сожалею о сегодняшнем дне", - Мо Цзиньси выглядел обеспокоенным, его маленькое личико нахмурилось.

Он был встревожен и очень хотел извиниться перед Янь Нинбаем лицом к лицу, чтобы попросить у него прощения.

"..."

"У меня в ящике стола все еще лежит пачка "Одинокого Бога" [TN: марка закуски]. Я отдам его тебе", - Мо Цзиньси изо всех сил старался успокоить его.

Янь Нинбай что-то сказал на другом конце, и казалось, что он простил Мо Цзиньси, потому что Линь Чу увидел, как Мо Цзиньси облегченно вздохнул.

Мо Цзиньси положила трубку и передала телефон обратно Линь Чу.

Линь Чу посмотрел на время. Даже если Янь Бэйчэн отвезет Мо Цзиньси в школу сейчас, ему придется пропустить пол-урока. Поэтому она решила, что лучше всего будет помочь Мо Цзиньси обратиться к учителю с просьбой освободить его от занятий. В противном случае, если никто не сможет найти Мо Цзиньси, в школе возникнет серьезная ситуация.

Ученики Академии Цзися были ценным товаром, и учителя были бы очень обеспокоены, если бы кто-то из них исчез.

В этот момент у Мо Цзиньси зазвонил телефон.

Мо Цзиньси посмотрел на телефон, поднял голову в сторону Линь Чу и сказал: "Это бабушка".

После этого он поднял трубку и негромко позвал "бабушку". Было видно, что он чувствует себя виноватым.

"Цзиньси, где ты? Твой учитель сказал, что ты исчезла. Куда ты ушла?" поспешно спросила Лян Сюлин, ее тон был наполнен тревогой и беспокойством.

"Прости, бабушка. Я в Янь Хуэй с дядей Янем", - по голосу Мо Цзиньси понял, что Лян Сюлин очень волнуется. Он чувствовал себя еще хуже, так как чувство вины было заметно на его маленьком лице.

Янь Бэйчэн взял телефон из рук Мо Цзиньси. "Госпожа Лян, это я".

"О, Бэйчэн", - с облегчением выдохнула Лян Сюлин. Она чувствовала себя намного лучше, зная, что Мо Цзиньси был с Янь Бэйчэном, так как сначала она беспокоилась, что Мо Цзиньси бродит по городу один. Он мог потеряться или встретить кого-то плохого.

В наше время происходило так много похищений. Не говоря уже о том, что Мо Цзиньси было особенно опасно ходить в форме Академии Цзися.

"Он уже поел у меня, и сейчас я забираю его в школу. Поговорим при встрече", - коротко объяснил Янь Бэйчэн, но ничего не сказал о том, зачем Мо Цзиньси пришел к нему.

Лян Сюлин была увлечена словами Янь Бэйчэна. Поэтому она быстро согласилась, не раздумывая. К тому времени, когда она поняла, как отреагировала, Янь Бэйчэн уже повесил трубку.

Линь Чу не мог отделаться от мысли, что только Янь Бэйчэн могла вести дела так гладко. Если бы это была она, Лян Сюлин выудил бы из нее все до мельчайших подробностей.

Повесив трубку, Линь Чу задумался и сказал: "Пожалуй, я пойду с тобой".

Лян Сюлин была пожилой женщиной, в конце концов. Кроме того, у нее был скверный характер. Если бы она узнала причину, по которой Мо Цзиньсинь сбежала из школы, кто знает, что бы она сказала. Было почти неизбежно, что произойдет обмен некрасивыми словами. Поскольку Янь Бэйчэн был мужчиной, ему было бы неприятно пытаться вразумить пожилую женщину. Поэтому ему было бы удобнее, если бы Линь Чу просто все уладила.

Янь Бэйчэн думал о том же самом, но он кивнул в знак согласия с нежным выражением лица.

...

Когда они приехали в Академию Цзися, то увидели, что Лян Сюлин и классная руководительница Мо Цзиньси стоят перед школой и выглядят особенно встревоженными.

Мо Цзиньси почувствовал себя еще более виноватым, наблюдая за ними. Это было очень эгоистично с его стороны вот так улизнуть; он действительно не умел ценить то хорошее, что

ему дарили.

Мо Цзиньси вышел из машины, а Лян Сюлин быстро подошла к нему.

Она схватила Мо Цзиньси за плечи и спросила его: "Цзиньси, почему ты ушел из школы, не сказав ни слова? Ты знаешь, как опасно так поступать? Я чуть не перепугалась до смерти, когда твой учитель позвонил мне об этом! Академия Цзися хорошо известна и является очевидной целью, так что если бы плохой человек тайно следил за тобой?

Как вы думаете, почему у всех здешних учеников каждый день кто-то доставляет их в школу и обратно? Это не потому, что они могут себе это позволить, а для безопасности!"

Мо Цзиньси выругался про себя и ответил: "Прости. Я больше не буду так делать. Я заставил всех волноваться понапрасну. Прости, я был эгоистом".

Сердце Лян Сюлин смягчилось от слов Мо Цзиньси, и она больше не хотела его винить. В конце концов, это был ее внук, более того, это был внук, которого она потеряла, а потом нашла, единственная кровь, оставшаяся после ее умершего сына. Поэтому Лян Сюлин не могла сдержаться, чтобы не ударить или не отругать Мо Цзиньси. Она не хотела говорить ему слишком грубые слова, ведь он был ее сокровищем.

Теперь, когда Мо Цзиньси был в порядке, она перестала беспокоиться. Лян Сюлин быстро осмотрела Мо Цзиньси с ног до головы и спросила: "Что случилось? Почему ты ушла к Янь Хуэю, не сказав ни слова?".

Мо Цзиньси немного пошевелил губами и наконец ответил: "Бабушка, ты не разрешаешь мне посещать детский дом, и есть водитель, который забирает меня каждый день после школы. В выходные дни вы все присматриваете за мной дома, поэтому у меня нет возможности пойти в детский дом. Поэтому я подумал о том, чтобы навестить его во время обеденного перерыва. Но я не знал дороги к приюту, поэтому пошел к Янь Хуэю, чтобы узнать, не отвезет ли меня туда Чу Чу".

Лян Сюлин очень рассердилась, услышав это, и хотела прочесть Мо Цзиньси лекцию на месте.

Классная руководительница увидела, что это быстро становится семейным делом, поэтому быстро сказала: "Хорошо, что Цзиньси вернулась. Осталась еще половина класса. Цзиньси не сможет успеть за уроком, если присоединится на полпути. Пока он наденет защитное снаряжение, урок уже закончится. Почему бы вам не поболтать сначала, пока я готовлюсь к следующему уроку?".

"Хорошо", - Лян Сюлин не хотела, чтобы посторонний слушал их личные семейные дела, поэтому она сразу же согласилась.

Затем классный руководитель обратился к Мо Цзиньси. "Приходи ко мне в кабинет позже в перерыве между уроками.

Нам нужно обсудить вопрос о том, что ты сама ушла из класса".

Мо Цзиньси кивнул, и классный руководитель ушел.

Лян Сюлин сказал Мо Цзиньси: "Цзиньси, разве я не говорил тебе раньше? Прекрати упоминать о детском доме. Теперь у тебя нет ничего общего с детским домом".

Мо Цзиньси открыл рот и с тревогой посмотрел на Лян Сюлин.

"Госпожа Мо", - позвал Линь Чу.

Лян Сюлин оглянулась. Ее недовольство по поводу внезапного прерывания было ощутимо.

Тем не менее, это не беспокоило Линь Чу, и она сказала: "Я не имею права вмешиваться в это, так как это дело вашей семьи. Все, о чем я прошу вас, это прислушаться к чувствам Цзиньси. Пусть он еще молод, но он не просто беспечный ребенок. У него есть свои мысли и мнения, он не ограничивается наивностью и упрямством. Пожалуйста, не считайте, что он ничего не знает и что ему не хватает здравого смысла только потому, что он молод. В его словах есть много смысла, поэтому я могу поручиться, что он действительно обладает здравым смыслом".

Линь Чу, сказав это, посмотрел на Мо Цзиньси. Она легонько похлопала его по плечам. "Говори с бабушкой вежливо и не делай побеги привычкой. Мы уже уходим".

Мо Цзиньси кивнул, наблюдая, как Линь Чу и Янь Бэйчэн садятся в машину.

Линь Чу видел, как Лян Сюлин и Мо Цзиньси стояли и смотрели друг на друга через окно машины. Ни один из них не произнес ни слова. Линь Чу не могла не задаться вопросом, действительно ли Лян Сюлин будет слушать, что скажет Мо Цзиньси.

...

Вечером Линь Чу позвонил Мо Цзиньси. По телефону он говорил очень взволнованно. "Чу Чу, бабушка серьезно выслушала меня. Она сказала, что подумает над этим".

"Это замечательно", - улыбнулась Линь Чу в ответ. У нее было предчувствие, что Лян Сюлин так просто не согласится, но она не стала говорить об этом Мо Цзиньси.

На следующий день была суббота.

Прошло довольно много времени с тех пор, как они в последний раз посещали приют, поэтому Линь Чу попросила Янь Бэйчэна сопровождать ее туда, чтобы воспользоваться возможностью и рассказать старому директору о Мо Цзиньси.

Когда они прибыли в приют, Ши Тоу и Тянь Тянь были заняты домашними делами в своих комнатах. Узнав о приезде Линь Чу, они вышли подождать ее, но, поприветствовав пару, вернулись в свои комнаты.

http://tl.rulate.ru/book/32211/2134857